

ПРОГРАММА «ГЛУХИЕ И ЗВОНКИЕ» В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ «ГЭС-2»: УПРАВЛЕНИЕ, УЧАСТИЕ СООБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ DEAF STUDIES

Колесников В. В.¹, Меренкова В. С.¹

¹ Дом культуры «ГЭС-2» (Россия, Москва)

АННОТАЦИЯ

В условиях трансформации моделей инклюзии в культурных институциях актуализируется проблема признания субъектности сообщества глухих в процессах создания и реализации художественных и образовательных проектов. В статье анализируется опыт Дома культуры «ГЭС-2» (Москва, Россия), где с 2022 года реализуется программа «Глухие и звонкие», направленная на осмысление идентичности представителей сообщества глухих, развитие культуры глухих и поддержку русского жестового языка (РЖЯ) как самостоятельной лингвистической и культурной системы. Эмпирическую базу исследования составляют кейсы проектов программы, включая инициативы по популяризации РЖЯ, театральные лаборатории и междисциплинарный проект «Исследуя сообщество глухих», а также материалы конференций, альманахов и полевых исследований.

Методологическую основу работы образуют качественный кейс-анализ, элементы включенного наблюдения и анализ накопленной проектной документации. Показано, как выведение программы в самостоятельное направление институциональной деятельности позволило сместить акцент с задач исключительно доступности и перевода контента для глухих и слабослышащих посетителей на более широкий спектр вопросов, связанных с репрезентацией, культурным производством и формированием среды диалога между глухими и слышащими участниками.

Программа демонстрирует успешную интеграцию глухих специалистов в качестве соавторов и экспертов культурных проектов, что проявляется в разработке РЖЯ-ориентированных форматов, в лабораторной модели работы, в коллективном производстве знания и формировании поля Deaf Studies (исследований сообщества глухих) в российском контексте. В рамках статьи выявлены механизмы, способствующие расширению культурных нарративов и формированию толерантной среды: вовлечение глухих в проектирование программ и кураторские процессы; использование жестового языка как языка первичного высказывания, а не перевода; создание исследовательских и художественных лабораторий на принципах соучастия; институционализация совместных форм работы глухих и слышащих специалистов; а также возврат результатов исследований обратно в сообщество.

Полученные данные свидетельствуют о значимости перехода к практике активного соучастия культурных и лингвистических меньшинств в разработке программ, что способствует преодолению социокультурных и лингвистических барьеров, развитию РЖЯ, профессиональному росту глухих специалистов и достижению как лингвистического, так и художественного равенства в сфере культуры. Отдельно акцентируются вопросы выстраивания взаимопонимания, перераспределения экспертности и формирования устойчивых моделей взаимодействия между глухими и слышащими участниками культурных процессов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сообщество глухих, культура глухих, русский жестовый язык, инклюзивные практики, репрезентация, соучастие, доступность культуры

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Колесников В. В., Меренкова В. С. (2026). Программа «Глухие и звонкие» в Доме культуры «ГЭС-2»: управление, участие сообщества и развитие Deaf Studies. *Управление культурой*, 5(1), 67–75. <https://doi.org/10.70202/2949-074X-2026-5-1-67-75>

Статья поступила: 17.02.2026; принята: 18.03.2026; опубликована: 21.04.2026.

© Колесников В. В., Меренкова В. С., 2026

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which allows to share the article (copy and redistribute it) and to adapt the article (remix, transform, and build upon it) in any medium or format for any purpose, even commercially, as long as you give appropriate credit, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

THE “DEAF AND VOICED” PROGRAMME AT GES-2 HOUSE OF CULTURE: MANAGEMENT, COMMUNITY PARTICIPATION, AND THE DEVELOPMENT OF DEAF STUDIES

Kolesnikov V. V.¹, Merenkova V. S.¹

¹ GES-2 House of Culture (Moscow, Russian Federation)

ABSTRACT

As models of inclusion in cultural institutions are being transformed, the issue of recognizing the agency of the Deaf community in the creation and implementation of artistic and educational projects becomes increasingly urgent. This article examines the experience of the GES-2 House of Culture (Moscow, Russia), where the “Deaf and Voiced” programme has been implemented since 2022. The programme is aimed at rethinking Deaf identity, fostering Deaf culture, and supporting Russian Sign Language (RSL) as an independent linguistic and cultural system. The empirical basis of the study consists of case studies from the programme’s projects, including initiatives to promote RSL, theatre laboratories, and the interdisciplinary project Researching the Deaf Community, as well as materials from conferences, almanacs, and field research.

The methodological framework is based on qualitative case analysis, elements of participant observation, and the analysis of accumulated project documentation. The article demonstrates how establishing the programme as an independent institutional direction made it possible to shift the focus from tasks limited to accessibility and content translation for Deaf and hard of hearing visitors toward a broader range of issues related to representation, cultural production, and the creation of a dialogical environment between Deaf and hearing participants.

The programme illustrates the successful integration of Deaf professionals as co-authors and experts in cultural projects. This is reflected in the development of RSL-oriented formats, the laboratory-based model of work, the collective production of knowledge, and the formation of a Deaf Studies research field within the Russian context. The article identifies key mechanisms that contribute to the expansion of cultural narratives and the formation of a more inclusive and tolerant environment: the involvement of Deaf people in programme design and curatorial processes; the use of sign language as the primary language of expression rather than as a translated medium; the creation of research and artistic laboratories based on participatory principles; the institutionalization of collaborative practices between Deaf and hearing professionals; and the return of research outcomes to the community itself.

The findings highlight the importance of transitioning to practices of active co-participation of cultural and linguistic minorities in programme development. This shift contributes to overcoming sociocultural and linguistic barriers, advancing Russian Sign Language, supporting the professional growth of Deaf specialists, and achieving both linguistic and artistic equality in the cultural sphere. Particular attention is paid to the processes of building mutual understanding, redistributing expertise, and establishing sustainable models of collaboration between Deaf and hearing participants in cultural institutions.

KEYWORDS: deaf community, deaf culture, Russian sign language, inclusive practices, representation, co-creation, deaf studies, cultural accessibility

FOR CITATION: Kolesnikov V. V., & Merenkova V. S. (2026). The “Deaf and Voiced” Programme at GES-2 House of Culture: Management, Community Participation, and the Development of Deaf Studies. *Managing of Culture*, 5(1), 67–75. <https://doi.org/10.70202/2949-074X-2026-5-1-67-75>

Article received: 02/17/2026; accepted: 03/18/2026; published: 04/21/2026.

ВВЕДЕНИЕ

В современном контексте проблема инклюзии в культурных институциях приобретает особую актуальность, требуя переосмысления традиционных подходов к взаимодействию с сообществами людей с инвалидностью. Если на начальных этапах развития инклюзивных практик в Рос-

сии (последнее десятилетие) акцент делался преимущественно на адаптации существующих форматов и обеспечении физической доступности, то сегодня становится очевидной необходимость перехода к более глубоким моделям, учитывающим культурную специфику и субъектность различных групп [1, с. 165].

В частности, в отношении сообщества глухих наблюдается эволюция парадигмы от медицинской и патерналистской к социокультурным моделям, в рамках которых глухота рассматривается не как дефицит, а как уникальная лингвистическая и культурная идентичность, основанная на жестовом языке и опыте представителей сообщества [2, с. 480]. Данный подход лежит в основе исследований *Deaf Studies* – междисциплинарной области, которая анализирует глухоту как культурное и социальное явление, подчеркивая важность репрезентации глухих как культурной группы [1, с. 167]. Русский жестовый язык (РЖЯ) в этом контексте признается не просто «средством коммуникации глухих и слабослышащих»¹, а полноценным языком со своей структурой и лингвистическими особенностями, который в том числе формирует основу самобытной культуры глухих [3, с. 116].

Однако, несмотря на указанные теоретические сдвиги, практическая реализация принципов культурной инклюзии, предполагающей признание агентности и экспертности глухих, остается вызовом для многих институций. Настоящая статья посвящена анализу опыта Дома культуры «ГЭС-2», где программа «Глухие и звонкие» реализуется в качестве самостоятельного направления работы с посетителями и обществом. Программа направлена не только на обеспечение доступности, но и на трансформацию роли представителей сообщества глухих от пассивных реципиентов к активным соавторам и экспертам культурного производства. Целью исследования является комплексный анализ методологических подходов и результатов программы «Глухие и звонкие» как прецедента формирования новой парадигмы взаимодействия с сообществом глухих в российском культурном пространстве. В работе рассматриваются ключевые аспекты программы, демонстрирующие переход от логики адаптации к практике партисипаторного культурного производства, и вклад в развитие исследований сообщества глухих как академической дисциплины.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основой исследования послужили эмпирические данные, полученные в ходе реализации программы «Глухие и звонкие», в рамках которой последние четыре года формируется направление работы с сообществом глухих. Программа объединяет различные проекты, ориентированные на культурное вовлечение сообщества, развитие русского жестового языка (РЖЯ) и диалог между глухими и слышащими. Ключевым компонентом материалов исследования стал анализ собранных во время работы проекта «Исследуя сообщество глухих» данных, часть из которых уже представлена в двух томах альманаха². Важно, что тексты издания

содержат и академический, и первичный материал: в альманахах вошли статьи на основе материалов конференции, написанные представителями сообщества глухих, специалистами и студентами, а также результаты трех исследований, которые в течение года проводились участниками первого набора кружка «Исследуя сообщество глухих» Дома культуры «ГЭС-2».

Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством включенного наблюдения и кейс-анализа. Включенное наблюдение подразумевало непосредственное участие авторов данной статьи в процессах создания проектов программы, *feedback* сессиях рабочей группы и обратной связи участников. Для систематизации полученных материалов применялся качественный кейс-анализ с выделением тематических блоков, отражающих ключевые компоненты включения: языковую репрезентацию, идентичность, партисипаторные практики в культурных проектах и образовательные аспекты соучастия. Анализ предполагал выделение повторяющихся сюжетов, концептуальных ориентиров участников, а также сопоставление позиций слышащих и глухих экспертов в рамках проектной деятельности.

Вопрос о том, какие формы человеческого различия признаются «инвалидностью», напрямую связан с действием социальных норм и технологий нормализации. Социально неодобряемое различие часто переопределяется как «поддающееся лечению» биологическое состояние, вследствие чего ответственность за социальное неравенство переносится с общественных структур на самого человека с инвалидностью. Такой подход минимизирует необходимость системных изменений и закрепляет представление о том, что ограниченность в выборе или недостаток доступного образования являются следствием «дефекта» человека, а не результатом устройства социальной среды [4, с. 364].

В отношении глухоты это проявляется в устойчивых «объясняющих» установках по типу: «Он не поступил в университет, потому что глухой» или «Поскольку она слабослышащая, она не стала стюардессой». Такие высказывания только с виду могут казаться логичными, но по своей сути желание объяснить сложности образования или трудоустройства глухих за счет различий является проявлением аудизма – формы дискриминации, основанной на предвзятом отношении к глухим людям и убеждении, что способность слышать делает человека более полноценным или успешным. Концепция аудизма была описана Т. Хамфрисом, в ее основе лежит установка, что различия в уровне слуха определяют интеллектуальные и социальные возможности человека [5, с. 60]. Подобные представления дополнительно закрепляются в массовой культуре и медиа, где глухие персонажи чаще представлены либо как трагические фигуры, либо как «герои преодоления», которые смогли достичь чего-то «несмотря на отсутствие слуха» [5, с. 62].

В то же время в культуре глухих само понятие «глухой» имеет иное значение: оно не соотносится

¹ О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: Федеральный закон от 30.12.2012 N 296-ФЗ.

² Большаков Н. В., Колесников В. В. Исследуя сообщество глухих: 1. М.: V-A-C Press, 2024. 304 с. EDN: KGKLMU.

с дефицитом, а апеллирует к принадлежности к языковому и культурному меньшинству, обладающему собственными нормами, ценностями и способами социального взаимодействия. Как отмечают представители сообщества, «глухой» означает «такой же, как я», то есть член группы, объединенной общим языком и опытом. В этом смысле глухота не воспринимается как утрата, а рассматривается как позитивная основа коллективной идентичности, что находит отражение в концепции Deafhood [6, с. 187], которая была предложена глухим исследователем Пэдди Лэддом [2]. Отказ от ярлыка инвалидности в данном контексте выступает не отрицанием различий, а формой сопротивления редукции культурного опыта к медицинской проблеме и желанию слышащего большинства «нормализовать» глухого человека с помощью кохлеарной имплантации или других способов включения в общество. На самом же деле вопрос того, насколько «инклюзия» успешна применительно к сообществу глухих, сложен и воспринимается по-разному представителями сообщества. Это зависит от того, к какой культуре больше тяготеет человек, от его языкового опыта и окружения, среди которого он вырос или живет.

Исторически культура глухих формировалась в специализированных институтах – прежде всего в школах и школах-интернатах для глухих, а также в Домах культуры и клубах, которые выполняли функцию центров социализации и передачи культурных норм [7, с. 78]. Именно в этих средах большинство глухих осваивали жестовый язык и приобретали опыт принадлежности к сообществу. Через спортивные, художественные и общественные досуговые практики на жестовом языке поддерживались социальные связи и формировались устойчивые формы коллективной идентичности.

Если переносить опыт представителей сообщества глухих в поле культурных институций, которыми руководят слышащие, важно помнить, что некоторые из общих практик могут быть неприменимы к сообществу глухих или не отвечать его запросу. В этом плане музеи и культурные институции могут либо закреплять социальные предрассудки, либо становиться пространствами «переосмысления различий», в которых инаковость признается как значимая форма человеческого разнообразия [8, с. 152]. Значимая проблема заключается в том, что примеров репрезентации глухоты в искусстве может показаться либо недостаточно (не каждая российская институция может похвастаться картинами глухих художников в коллекции), либо такие примеры есть, но требуют значительного осмысления и переинтерпретации со стороны кураторов. Так или иначе, сделать культуру глухих и жестовый язык видимыми в пространстве культурной институции это вызов, который часто решается не с помощью наполнения выставок или совместного производства, а приобщения глухих к общим культурным практикам. Поэтому из четырех форм партисипаторного участия сейчас лидирует

формат *Hosted*, который можно перевести на русский как «гостевой», когда музей предоставляет пространство и ресурсы для проектов, инициированных внешними группами, и направляет внимание на привлечение новых аудиторий [9, с. 187]. С учетом всего вышесказанного о значении репрезентации и переживания культуры не только в позиции зрителя, но и в роли активного участника, остальные форматы – *contributory* (содействующий), при котором посетители вносят отдельные элементы по заданной структуре; *collaborative* (совместный), предполагающий кооперацию между участниками и сотрудниками институции в процессе сбора, интерпретации и представления материалов; а также *co-creative* (соавторский), в рамках которого сообщество наравне с музеем участвует в определении тем, форматов и целей проекта, – также представляются значимыми и методологически продуктивными. То, как эти подходы можно применять в работе с сообществом глухих, и будет описано далее.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Программа как экосистема и смена модели взаимодействия

Анализ материалов программы «Глухие и звонкие» показывает, что одним из ключевых результатов стало смещение рамки от понимания глухоты как «инвалидности, требующей адаптации» к рассмотрению ее как культурного и языкового опыта сообщества. В ходе работы над программой стало очевидно, что перевод мероприятий на РЖЯ, хотя и является важным элементом доступности, не обеспечивает в полной мере понимание культуры глухих. Для этого необходима смена перспективы – рассмотрение культурных процессов через оптику и ценности самой аудитории, с которой ведется работа. В этой логике программа позиционируется не как проект «про людей с инвалидностью», а осмысляется как работа с сообществом, обладающим собственной историей, языком и формами самопрезентации.

Такой сдвиг отразился и в практиках взаимодействия. В центре внимания оказывается не только «адаптация» существующих форматов, но и совместное их переосмысление: кто является носителем экспертизы, на каком языке строится коммуникация, какие темы считаются значимыми. Это позволяет говорить не о включении глухих в уже заданную культурную рамку, а о пересборке самой рамки через диалог между глухими и слышащими участниками.

Результаты показывают, что направления программы не существуют изолированно, а образуют взаимосвязанную систему. Исследовательские тексты и дискуссии, возникающие в рамках проекта «Исследуя сообщество глухих», находят продолжение в художественных и перформативных практиках; языковые форматы, связанные с изучением и популяризацией РЖЯ, становятся не только образовательным инструментом, но и основой для межкуль-

турного диалога; лабораторные форматы для подростков и молодых взрослых формируют пространство раннего опыта совместности. Тем самым выстраивается поле, в котором знание, язык и творчество взаимно усиливают друг друга.

Внутри этой системы прослеживается общий вектор: переход от логики «для» к логике «вместе». Участники из сообщества глухих вовлечены не только как аудитория, но и как авторы, исследователи, эксперты и участники проектов. Это меняет характер репрезентации: глухота перестает выступать как объект объяснения и становится точкой зрения, из которой осмысливается культурная реальность. Взаимодействие между глухими и слышащими в таком контексте строится не на принципе компенсации «дефицита», а на обмене опытом и пересборке привычных представлений о норме.

Программа «Глухие и звонкие» включает несколько постоянных направлений, которые охватывают разные возрастные группы, форматы и способы участия, но при этом связаны между собой общей логикой работы с сообществом. В нее входят: исследовательский проект – лаборатория для глухих, слабослышащих и слышащих, междисциплинарная конференция и альманах; направление по изучению и популяризации русского жестового языка – Клуб любителей жестового языка с регулярными встречами, курсами и лекциями; проекты в сфере культурного производства и репрезентации глухоты – в частности, театральные проекты «МУМУ»; а также направление «ГЭС-2: Каникулы», объединяющее лабораторные форматы для глухих детей и подростков.

2. Поддержка и популяризация РЖЯ

Ключевым элементом работы с сообществом является работа с русским жестовым языком, которая требует понимания и учета того, что он не является «копией» русского языка, а представляет собой автономную лингвистическую систему со своей грамматикой, лексикой и структурой. Этот подраздел посвящен жестовым языкам в целом, а также проекту «Клуб любителей жестового языка», который направлен на поддержку и популяризацию РЖЯ.

В мире существует более 300 жестовых языков, каждый из которых является продуктом конкретной культурной и исторической среды. Они могут входить в одни языковые семьи или, напротив, не иметь между собой структурного сходства. Так, русский, американский и французский жестовые языки принадлежат к одной семье, тогда как американский и британский жестовые языки, несмотря на общий письменный английский, являются разными системами. Для межнационального общения глухие используют международные жесты (*International Sign*), представляющие собой гибридную коммуникативную систему, которая впрочем уже называется многими лингвистами языком, но это предмет отдельной статьи.

Грамматика жестового языка принципиально отличается от грамматики звучащих языков. Она осно-

вана на использовании трехмерного пространства и возможности одновременной передачи нескольких смыслов. Порядок слов, выражение отрицания, вопросов и описания пространственных отношений в русском жестовом языке (РЖЯ) подчиняются собственным правилам. Эти особенности как правило могут затруднять буквальный перевод на звучащие языки, так как в этом процессе могут быть утрачены смысловые и культурные нюансы. Отдельного внимания заслуживает калькирующая жестовая речь (КЖР), при которой жесты следуют порядку слов и грамматике русского языка. КЖР часто используется в образовательных и переводческих контекстах, однако она не тождественна РЖЯ. На практике многие глухие и слышащие свободно переходят между этими формами, что создает гибридные режимы общения, но также порождает напряжение и разницу между «языком сообщества» и «языком перевода».

РЖЯ также характеризуется высокой степенью вариативности и наличием диалектов. Различия могут быть связаны с регионом, возрастом, образовательным опытом, семьей и уровнем владения языком. Это связано с тем, что, получая образование в различных школах глухих, эти школы (раньше в большей степени, сейчас в меньшей) были изолированы друг от друга, и в каждой формировались свои локальные жесты. Отсутствие стандартизированного обучения РЖЯ в системе образования усиливает эту вариативность.

Важно понимание различий в языковом опыте внутри самого сообщества глухих. Не все носители РЖЯ имеют одинаковый уровень владения языком, одинаковую историю его освоения или одинаковое отношение к нему. Клуб любителей жестового языка изначально формировался как пространство для слышащих, которые начали изучать РЖЯ и испытывали потребность в регулярной языковой практике вне учебных курсов. Со временем стало очевидно, что такой формат не только отвечает запросу на освоение языка, но и создает условия для более сложных форм взаимодействия. В результате клуб постепенно трансформировался в смешанное пространство, где участвуют как слышащие, так и глухие, в том числе те, кто заинтересован в осмыслении лингвистических особенностей жестового языка и обсуждении его культурного контекста. Дополнительным направлением стали курсы РЖЯ, которые ведут глухие преподаватели, что позволяет сместить акцент на прямую передачу знания от носителей языка.

В настоящее время клуб функционирует как коллаборативная площадка, ориентированная на совместное производство знаний и опыта. Его деятельность направлена не только на изучение и популяризацию РЖЯ, но и на расширение представлений о культуре глухих как самостоятельной и многообразной. Встречи проходят в форматах игр, дискуссий, лекций и практикумов, посвященных культуре и искусству, истории и лингвистике жестовых языков. Ведущими выступают эксперты из сообщества глухих, а также междисциплинарные специалисты и препода-

даватели. Важной частью работы является открытость к инициативам участников: программа формируется в диалоге, что позволяет рассматривать посетителей как соавторов и носителей экспертного знания.

3. Репрезентация

Практический опыт программы «Глухие и звонкие» демонстрирует переход от репрезентации глухоты, создаваемой преимущественно слышащими, к саморепрезентации сообщества. Ключевым фактором этого процесса стало включение глухих и слабослышащих специалистов в команду институции не только в качестве консультантов, но и как кураторов, инициаторов и соавторов проектов. Такой подход позволяет выстраивать репрезентацию не «о» сообществе, а «изнутри» него. Визуальным отражением этой логики стала айдентика программы: круг, оформленный тремя типами линий – пунктирной, сплошной и точечной, – символизирует единство и разнообразие глухих, слабослышащих и слышащих участников. При этом данная схема остается условной, поскольку внутри сообщества существуют и другие группы: пользователи кохлеарных имплантов, CODA (дети глухих родителей), слепоглухие и др., что подчеркивает принципиальную множественность идентичностей.

В сфере художественной репрезентации ключевым кейсом стал театральный проект «МУМУ». В отличие от традиционных постановок, где глухота нередко представляется через интерпретацию слышащими и излишнюю драматизацию, здесь работа строилась на лабораторном принципе соучастия. Процесс начинался с интенсивов по сбору личных историй, которые впоследствии легли в основу спектаклей. Все тексты имеют документальный характер, а исполнение осуществляется на жестовом языке с обратным переводом на русский. Таким образом, слышащий зритель включается в пространство иного опыта и получает возможность сопоставить истории участников со своими представлениями. Спектакли существуют в формате *work-in-progress*, подчеркивая, что культура глухих – это не заверченный нарратив, а постоянно изменяющаяся система, не имеющая окончательной формы.

Помимо театральной репрезентации, программа реализовала и другие проекты, направленные на визуальное и культурное самовыражение. Одним из них стала лаборатория «вогус» – проект о моде, апсайклинге и fashion-фотографии для глухих и слабослышащих подростков и молодых взрослых. Лаборатория проходила с 28 октября по 6 ноября 2023 года, во время осенних каникул. В течение недели участники работали в двух мастерских – фотографии и апсайклинга (создание новой одежды из старой), а также взаимодействовали с экспертами из мира моды: историками моды, дизайнерами, fashion-фотографами и другими специалистами индустрии. Проект был направлен на поиск собственных визуальных образов и способов репрезентации себя через одежду.

Название проекта связано с особенностями языкового опыта носителей жестового языка. Во многих странах глухие воспроизводят заимствованные слова побуквенно, ориентируясь на их письменную форму («аппле», «сторе» и т. д.). Слово Vogue многие глухие и слабослышащие дактилируют как «вогусе», при этом аббревиатура ВОГ в российском контексте в первую очередь ассоциируется с Всероссийским обществом глухих. Тем самым название объединяет сразу несколько смысловых уровней – языковой, культурный и институциональный.

Идея проекта возникла летом 2023 года в рамках городского проекта «пик-пик! 2.0», где одно из занятий было посвящено теме моды и повседневности. В диалоге с глухими и слабослышащими детьми 10–12 лет обсуждались вопросы того, как выбор одежды может отражать интересы, характер и идентичность человека. Реакция участников показала, что тема воспринимается как новая и неожиданная, но при этом значимая. Это стало основанием для дальнейшего развития проекта уже в формате лаборатории для подростков и молодых взрослых. В долгосрочной перспективе проект был ориентирован на повышение видимости глухих и слабослышащих в *fashion*-индустрии в России. В рамках лаборатории были поставлены несколько задач: создание пространства для актуализации личных интересов; осмысление связи между культурой сообщества, модой и саморепрезентацией; формирование теоретической базы по истории моды и трендов; освоение практических навыков в области дизайна, апсайклинга и фотографии. Завершением проекта стал модный показ и выпуск зина (небольшого самодельного журнала) с фотографиями работ участников, что позволило зафиксировать результаты и сделать их доступными для широкой аудитории.

Еще одним кейсом репрезентации стала лаборатория «Комикс-каникулы», проходившая с 6 по 11 января 2025 года. Проект был посвящен созданию комиксов и осмыслению личного опыта представителей сообщества глухих. В лаборатории участвовали глухие, слабослышащие, пользователи кохлеарных имплантов, CODA и слышащие. Участники создавали собственных персонажей и записывали истории, опираясь на повседневные ситуации и личные переживания.

Комиксы в данном контексте рассматривались как форма визуального повествования, позволяющая говорить о себе и находить отклик у других. Результатом стали авторские истории: о слышащем дедушке, испугавшемся звуков компьютерной игры глухой внучки; о глухой маме, которая вместе с детьми подобрала на улице утку, но самым необычным в этой истории стала даже не утка, а встреча в зоомагазине с консультантом, владевшим РЖЯ; о детском страхе перед музейными скульптурами без рук. Эти сюжеты стали примерами честной и трогательной репрезентации.

Работа над каждым проектом программы предвзрета исследовательским этапом: анализом того, как представители сообщества глухих уже высказы-

вались на выбранную тему и какие новые перспективы могут быть открыты через обращение к их опыту. Таким образом, репрезентация в рамках программы формируется как процесс совместного осмысления культуры сообщества.

4. «Исследуя сообщество глухих»: производство знания

Реализация программы «Глухие и звонкие» показала, что устойчивое культурное взаимодействие возможно только при наличии внятной теоретической рамки, в которой глухота понимается как особый социальный, языковой и культурный опыт. В качестве такой рамки программа опирается на междисциплинарное направление *Deaf Studies* и подходы *Deaf-centered* и *Deaf-led research* [10, с. 444]. Это позволяет сместить фокус с внешнего наблюдения за сообществом на совместное производство знания.

Ключевым результатом стало формирование пространства, в котором академическое знание перестает быть изолированным от личного опыта. В рамках программы глухие и слабослышащие участники выступают не как «объекты исследования», но как соавторы, исследователи и носители экспертного знания о собственной культуре. Такой сдвиг меняет саму логику культурной и исследовательской работы: от описания сообщества – к диалогу с ним, от интерпретации – к соучастию.

Развитие этого подхода привело к обращению к концепции *Deaf-led research* – «направляемого глухотой» или «глухо-центричного» исследования, предложенного Пэдди Лэддом [2]. Речь идет не о том, что ведущий исследователь обязательно должен быть глухим, а о том, что методологические решения должны исходить из «глухих» способов познания. Это предполагает пересмотр привычных академических инструментов с точки зрения их культурной и языковой валидности для сообщества глухих.

Практическим воплощением этих принципов стала лаборатория «Исследуя сообщество глухих» – междисциплинарный проект программы «Глухие и звонкие» в Доме культуры «ГЭС-2». То, что начиналось как образовательный курс для глухих и слабослышащих молодых взрослых, постепенно трансформировалось в исследовательскую платформу, ориентированную на самостоятельное высказывание и производство знаний внутри сообщества.

Лаборатория строится как пространство, где участники получают базовые знания об академических подходах, осваивают методологию, читают тексты, формулируют исследовательские вопросы и пробуют работать с эмпирическими данными. Все занятия проходят на русском и русском жестовом языках с участием глухих кураторов и экспертов. Таким образом создается двуязычная и межкультурная среда, в которой академический язык не вытесняет жестовый, а существует с ним на равных.

За первые три года работы лаборатории было проведено более десяти исследовательских проектов.

В 2022–2023 годах были изучены такие темы, как элита сообщества глухих, жестовый язык в онлайн-общении и жестовые имена. В 2023–2024 годах фокус сместился к вопросам театра глухих, восприятия переводчиков, медиапотребления и связи владения РЖЯ с образовательным статусом. В 2024–2025 годах исследования затронули социальную структуру сообщества, клубы как культурные центры, билингвистическое образование и жестовое пение.

Эти работы не только расширили эмпирическое поле *Deaf Studies* в России, но и показали, что сами участники сообщества способны формулировать значимые исследовательские вопросы. Темы выбирались не извне, а исходя из внутренней логики сообщества и актуальных для него проблем. Таким образом, лаборатория стала не просто образовательным проектом, а механизмом самоописания и самоосмысления.

Если говорить о проекте в цифрах, стоит отметить, что начальный этап – а именно набор в первый поток лаборатории – не сразу дал желаемый результат. Поскольку формат исследовательского кружка и регулярных занятий научной деятельностью был новым для сообщества, этап анонсирования, хоть и оказался заметным, не привлёк достаточного количества участников. Чтобы увеличить число желающих, были изменены правила участия: помимо глухих и слабослышащих, в кружок стали приглашать и слышащих, владеющих жестовым языком. Во многом этот шаг стал определяющим с точки зрения инклюзивности лаборатории, поскольку все занятия проходят как на русском жестовом, так и на русском языках. Несмотря на трудности на первом этапе, далее наблюдалась положительная динамика: росло как количество желающих участвовать в лаборатории (число заявок на последних наборах доходило до 90), так и число участников – с 13 человек в первом наборе до 27 человек на текущий момент (2026 год).

Параллельно с кружком развивалась междисциплинарная конференция «Исследуя сообщество глухих», которая стала площадкой для диалога между участниками лаборатории, российскими и зарубежными специалистами. Конференция расширила границы проекта, превратив его в точку пересечения академических и культурных практик. Рост числа участников и устойчивый интерес к исследованиям подтверждают, что сообщество нуждается в таких форматах. Здесь знание не спускается сверху, а создается в процессе совместной работы. Это позволяет преодолеть разрыв между академической средой и повседневым опытом глухих.

Отдельным результатом стало переосмысление исследовательских методов не только на прикладном, но и на эпистемологическом уровне. Эпистемология – то есть способ формирования научного знания – в буквальном смысле конструирует глухоту такой, какой мы ее понимаем. Доминировавший почти весь XX век социальный конструкт «глухота как нарушение» сформировал корпус исследований, сосредоточенных преимущественно на лечении, реабилитации

и компенсации утраты слуха: в сурдопедагогике, медицине, психологии, слухопротезировании. Культурная концепция глухоты, лежащая в основе *Deaf Studies*, исходит из признания уникального способа познания мира, связанного с визуально-жестовой коммуникацией и особой социальной историей. В этом подходе не существует единственного ответа на вопрос о том, что значит быть глухим: опыт человека, выросшего в семье глухих, принципиально отличается от опыта позднооглохшего взрослого, не связанного с сообществом. Эти различия формируют разные способы интерпретации реальности, языка и собственной идентичности. При этом, как отмечает Де Клерк, признание особого опыта глухих не обязательно требует создания «отдельной» методологии, но предполагает критическое переосмысление того, как применяются универсальные исследовательские инструменты [11].

Именно поэтому в лаборатории «Исследуя сообщество глухих» эпистемологическая разность становится предметом постоянной рефлексии. Участники по-разному интерпретируют одни и те же термины и исследовательские вопросы в зависимости от языкового опыта, обучения в школе-интернате, использования кохлеарного импланта или степени включенности в сообщество. Эти различия обсуждаются на занятиях и напрямую влияют на выбор методов: нарративный характер культуры глухих и сложность перевода жестового языка в письменную форму делают интервью и фокус-группы более адекватными, чем анкетирование. Такой подход позволяет не только собирать данные, но и постоянно переосмысливать сами основания знания о глухоте.

Таким образом, программа продемонстрировала, что производство знания, ориентированное на глухоту и сообщество, возможно только при признании равноправия разных языковых и культурных систем. Лаборатория «Исследуя сообщество глухих» стала примером того, как культурная институция может не только транслировать знания, но и создавать условия для их совместного рождения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное, по большей части на практике, исследование показало, что работа с сообществом глухих в культурных институциях требует переосмысления самой логики инклюзии. Глухота в рамках социокультурной модели предстает не как дефицит, а как форма человеческого различия, связанная с отдельным языком и культурой. Соответственно, и рассматривать глухоту можно намного шире, чем «инвалидность», а доступность не сводить лишь к переводу контента, а предполагать для этой группы признание субъектности, агентности и экспертности сообщества глухих.

Результаты анализа программы «Глухие и звонкие» демонстрируют, что эффективные показатели получаются там, где глухие выступают не только в роли посетителей, но и в роли соавторов, исследователей и производителей культурных смыслов. Смещение акцента с «перевода» на партисипаторные практики позволяет выйти за рамки слышащей нормы и увидеть культуру через призму аудитории, для которой жестовый язык является первым и естественным. В этом контексте становится очевидным, что в пространстве совместного культурного производства перевод нередко требуется не глухим, а слышащим. Когда взаимодействие выстраивается на основе жестового языка и опыта сообщества глухих, именно аудитория слышащих оказывается в позиции, когда необходимо осваивать новую языковую и культурную логику. Таким образом, вопрос «кому нужен перевод?» смещается с глухих на слышащих и становится инструментом переосмысления доминирующих норм и иерархий в современной культуре.

Опыт реализации программы показывает, что устойчивый диалог между глухими и слышащими возможен только при наличии разветвленной системы практик, в которых пересекаются исследовательская, образовательная и художественная логики. Чем больше таких практик создается, тем шире поле обмена опытом и тем выше уровень взаимного понимания. Экосистемный характер программы способствует накоплению знаний, формированию доверия и постепенному изменению представлений о глухоте в профессиональной среде и среди широкой аудитории. Особое значение имеет работа с языком как с пространством культурного производства. Поддержка и популяризация РЖЯ, учет различий языкового опыта, развитие билингвальных и монолингвальных форматов создают условия для равноправного участия глухих в культурных процессах. При этом важно признавать неоднородность самого сообщества и избегать универсальных решений, которые воспроизводят иерархии и исключения. Именно разнообразие форм и подходов позволяет сделать систему более устойчивой и открытой.

В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что переход от логики адаптации к логике соучастия открывает возможности для формирования нового типа взаимодействия между массовой и «нишевой» культурами. Видимость, репрезентация и активное участие сообщества глухих не только расширяют границы культурного поля, но и способствуют его обновлению. Создание пространств, где глухие могут инициировать собственные проекты и выстраивать диалог на равных, становится важным шагом к более справедливой и многоголосой культурной среде.

ИСТОЧНИКИ / REFERENCES

- [1] **Большаков Н. В.** От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 2. С. 159–173. EDN WHFWIZ.
Bolshakov, N. V. (2016). From deviation to the identity: The transformation of scientific approaches to understanding deafness. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 19(2), 159–173. <https://elibrary.ru/whfwiz>
- [2] **Ladd, P.** (2003). *Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood*. Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781853595479>
- [3] **Комарова А. А.** Русский жестовый язык: основные проблемы изучения лексики // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, № 1-2. С. 116–134. DOI 10.26907/2541-7738.2022.1-2.116-134. EDN CLNUNT.
Комарова, А. А. (2022). Russian sign language: Main problems of vocabulary study. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 164(1-2), 116–134. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.116-134>
- [4] **Lane, H. L.** (2002). Do Deaf People Have a Disability. *Sign Language Studies*, 2(4), 356–379. <https://doi.org/10.1353/sls.2002.0019>
- [5] **Humphries, T., Kushalnagar, P., Mathur, G., Napoli, D. J., Padden, C., Rathmann, C., & Smith, S. R.** (2012). Language acquisition for deaf children: Reducing the harms of zero tolerance to the use of alternative approaches. *Harm Reduction Journal*, (9). <https://doi.org/10.1186/1477-7517-9-16>
- [6] **Bolshakov, N., & Walker, Ch.** (2023). Deaf Youth in Contemporary Russia: Barriers to Inclusion in Education and the Labour Market. *Europe-Asia Studies*, 75(2), 186–207. <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2115014>
- [7] **Padden, C., & Humphries, T.** (2009). *Inside Deaf Culture*. Harvard University Press. Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjz83v3>
- [8] **Sandell, R.** (2007). *Museums, Prejudice and the Reframing of Difference*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203020036>
- [9] **Sandvik, K.** (2011). Nina Simon: The Participatory Museum. Santa Cruz, CA: Museum 2.0. 2010. *Mediekultur: Journal of Media and Communication Research*, (27). <https://doi.org/10.7146/mediekultur.v27i50.5247>
- [10] **Krawczyk, T., Piasecki, Ja., Wasylewski, M., & Waligora, M.** (2024). Ethics of research engagement with Deaf people. A qualitative evidence synthesis. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 29(4), 443–455. <https://doi.org/10.1093/jdsade/ena024>
- [11] **De Clerck, G. A. M.** (2010). Deaf Epistemologies as a Critique and Alternative to the Practice of Science: An Anthropological Perspective. *American Annals of the Deaf*, 154(5), 435–446. <https://doi.org/10.1353/aad.0.0121>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесников Владислав Владимирович – Дом культуры «ГЭС-2» – Куратор программ для сообщества глухих (119072, Россия, Москва, Болотная набережная, 15); vladislav.kolesnikov@v-a-c.org. ORCID: 0009-0007-9298-8456, SPIN: 3101-1990.

Меренкова Варвара Сергеевна – Дом культуры «ГЭС-2» – специалист программ для сообщества глухих и доступности для глухих и слабослышащих (119072, Россия, Москва, Болотная набережная, 15); varvara.merenkova@v-a-c.org. ORCID: 0009-0004-3152-8542.

АВТОРСКИЙ ВКЛАД

Колесников В. В. – идеи и концепция, проведение исследования, подготовка рукописи, доработка и редактирование; **Меренкова В. С.** – сбор и обработка данных, подготовка рукописи, доработка и редактирование.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav V. Kolesnikov – GES-2 House of Culture – Curator of programmes for the Deaf community (15, Bolotnaya Embankment, Moscow, 119072, Russian Federation); vladislav.kolesnikov@v-a-c.org. ORCID: 0009-0007-9298-8456, SPIN: 3101-1990.

Varvara S. Merenkova – GES-2 House of Culture – program specialist for the deaf community and accessibility for deaf and hard of hearing (15, Bolotnaya Embankment, Moscow, 119072, Russian Federation); varvara.merenkova@v-a-c.org. ORCID: 0009-0004-3152-8542.

AUTHORS' CONTRIBUTIONS

V. V. Kolesnikov – conceptualization, investigation, writing – original draft, writing – review & editing; **V. S. Merenkova** – data curation, writing – original draft, writing – review & editing.

CONFLICT OF INTEREST

Authors declare no conflict of interest.